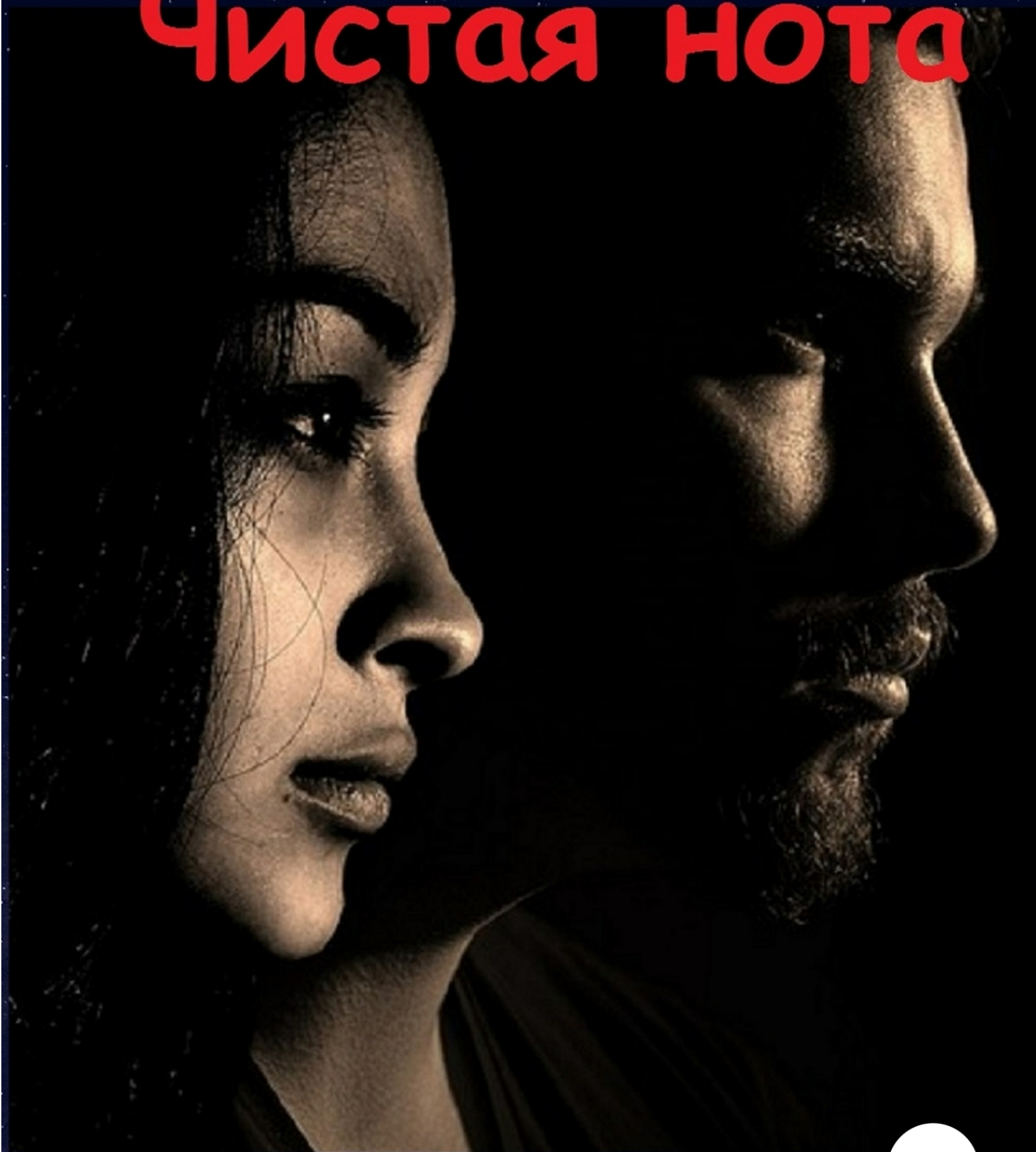

Игорь Ташин

Чистая нота

Слишком много любви не бывает –
бывает много пустоты

16+

Игорь Ташин

Чистая нота

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ташин И.

Чистая нота / И. Ташин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта книга о нашей жизни. О большой, настоящей любви, которая не обходится на своём пути без острых камней и бурных перекатов. Действие повести разворачивается в 90-х годах в Санкт Петербурге на фоне становления бизнеса в России.

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

При оформлении обложки использовался файл: <https://www.maxpixel.net/Woman-Dispute-Problems-Concerns-Man-Thoughtful-2933984>

***Все совпадения с реально существующими людьми
и событиями случайны и не предусмотрены автором.***

*«Ошибки – это знаки препинания жизни,
без которых, как и в тексте, не будет смысла».*

– Харуки Мураками -

*«Воспоминания о пережитом счастье, уже не счастье,
Воспоминания о пережитой боли, всё ещё боль».*

– Байрон -

Пролог

Шел 1982 год. В Ленинграде я остался один.

Жена покинула меня, вернулась к родителям. Мы не прожили трёх лет. Надоело ей жить в ледяной избе – холодно, темно, а ей хотелось тепла, любви и света. Как любой женщине. Она верно поступила.

Окружали сослуживцы, приятели, подружки. Людей вокруг, как пчёл в улье. А я остался один. Совсем.

Не было рядом свидетеля моей жизни – человека, которому интересна каждая её страница; готового «и в радости и в горе...».

Хуже всего ночью, когда бессонница – слушаешь шуршание шин по асфальту под окнами и считаешь минуты до утра.

Молодой парень – 22 года: устроенный, со своим жильём, весёлый, общительный. Красиво и щедро ухаживал за девушкой, если нравилась. Привлекательный, без комплексов, без проблем.

Очень быстро моя комната на Ленинском превратилась в некий клуб. Не так много ребят в моём возрасте имели тогда своё жильё. Или с родителями обретались, или женатые, с семьёй. Не успевала одна компания отгулять, как тут же появлялась другая.

Девчонки были тогда не так прагматичны, как нынешние. Им от ребят требовалось то же, что ребятам от них. Ну, ещё, бонусом, внимание и хорошее отношение – без грубости, без пошлости.

Через некоторое время от такой девчонки уже сам начинаешь прятаться.

А девушек в Ленинграде много. Красивых девушек. Но ни одна не нравилась так, что бы из-за неё не смотреть на других. Я дошёл до того, что имена их не мог запомнить, как в плохом анекдоте. Очередная красотка казалась совершенством ... дня три-четыре. Больше двух-трёх раз не мог заставить себя с ней встретиться, а она не могла понять, что не так – обижалась, злилась, звонила, приезжала... Случалось, это были близкие подруги, которые оставались со мной на ночь... две... три...

Соседи обижались. Но не жаловались – соседи у меня были хорошими – даже сочувствовали.

Никогда бы не подумал, что и года такой жизни окажется много. Надоело. Стал всё больше гулять один, соседей просил, что бы к телефону не звали – нет меня.

Наступил какой-то раздрай в душе, в отношениях с девушками...

На выходные – график у меня плавающий был, но больше «сутки – трое» – если приглашали, пропадал на природе с ребятами, увлечёнными туризмом. Замечательная была компания. Уходили пешком от станции километров на пять – десять, а там уже «настоящая глушь» – ни людей, ни деревень – озёра, сосны и напоённый смолой воздух. Костёр, рыбалка, гитара до утра, «Солнышко лесное» ... Возвращался просветлённый, но уже через неделю опять тянуло уехать.

Так незаметно пробежал год.

Я втянулся в эту скучную жизнь. И не ожидая перемен, встретил Лялю, мою вторую жену, мать моей дочери.

Часть 1

*Ленинградка или петербурженка.
Вкрадчиво общается «на вы».
Голос чуть с прононсом и простуженный
От надменной стылости Невы.
Ледяная северная барышня
Навсегда – «единственная та» ...
(Игорь Карпов)*

Познакомились мы случайно. Работая кинологом, я время от времени, брал дополнительную работу – дрессировал чужих собак, с которыми хозяева не могли справиться. У неё была плохо управляемая овчарка. Кто-то посоветовал обратиться ко мне.

Я как раз лечился после командировки и временем располагал.

Какая она была ... Как глоток того воздуха из походов – мы потом часто ходили с ней вместе, она сразу прижилась в компании. Коренная ленинградка, или петербурженка, как теперь говорят.

Очень коммуникабельна, прекрасно воспитана, эрудированна, много знала по истории – Восток, Эллада, Египет – её конёк. В совершенстве знала английский – школа, курсы, ещё курсы. Она тоже брала подработку на лето – англоязычные туристические группы.

Тонкая как камыш, стройная, темно-каштановая коса в руку толщиной ниже пояса ... Не журнальная красавица, но правильные черты лица, серые с зеленью глаза – лучистые яркие, мягкая улыбка на чуть пухлых губах, трогательные мелкие веснушки. ... Чистая как горный родник. Словно она из другого мира явилась в этот, и всё время удивлялась ему. Студентка из института Вознесенского, 18 лет... Никто из друзей не звал её Оля – только Ляля, Лялька...

Ребята табуном за ней бегали – она со всеми прекрасно ладила, но близко никого на пушечный выстрел, ... что она нашла во мне, до сих пор не понимаю.

Через полгода мы поженились.

Жили, душа в душу, пока не вернулись Лялькины родители. Да, да, их не было на нашей свадьбе, и я знал их лишь по её рассказам. Они работали тогда за границей в Марокко, в геологической экспедиции. Мама её была геологом, а папа руководил техническим оснащением экспедиции – автомобили и прочее, что необходимо геологам для работы.

Ежу понятно, счастья по поводу выбора дочери они не испытывали – мечтали совсем о другом зяте. Мама ей уже и жениха в Москве подыскала – какой-то комсомольский лидер из МГИМО. А тут такое разочарование. Но ругаться с места и в карьер они не стали. Даже платье для Ляли прислали свадебное – французское, с набивным кружевом, красивое не передать, она была самой прекрасной невестой Ленинграда и области. Для меня она такая, даже в ситцевом халатике. Но нужно отдать должное – одевали они её как игрушку...

Нам было хорошо, тепло друг с другом. Всё время мотались по выставкам, театрам, кинофестивалям, в Иллюзион. Ездили гулять в Пушкин, Павловск, Петродворец, часто ходили в Эрмитаж. Все премьеры и значимые события не проходили мимо. Она знала об истории города и искусстве больше, чем я мог вообразить. Иногда просто бродили по старым улицам, и она рассказывала их историю или шли в какойнибудь парк ...

Бывало, после суточной работы, я приходил домой, отсыпался, а днём она будила меня, мы дурачились и вдруг виновато – «Милый, а ведь я ничего не приготовила – ты голодный?» Мы хохотали, одевались и ехали в аэропорт Пулково – их ресторан готовил лучшие в городе котлеты по-киевски или в ресторан Турку, есть мясо с грибами. А если денег было мало, то просто шли в булочную, покупали батон, по пакету молока в гастрономе и жевали, сидя в сквере на лавочке и глядя на приближающуюся осень ...

Часто включали Сьюзи Кватро и танцевали вдвоём до упаду, а Ляля потешно пела с ней Can the Can дуэтом.

Ездили к её бабушке за город, у которой под Гатчиной был большой деревянный дом с огромным участком.

Поковырявшись в саду, брали с собой чайник с чаем, чебуреки или пироги с капустой – Тамара Дмитриевна отлично готовила – и лезли на второй этаж в маленькую уютную спальню, окна которой выходили на огромную яблоню. Когда та цвела, это было волшебство. Мы усаживались рядом на узкую тахту и читали друг другу по очереди любимые книги. После Ляли я стал понимать японскую поэзию, китайские легенды...

Начинали скучать, ещё не простившись. Всегда держались за руки. И говорили, говорили, говорили, ... не могли насытиться друг другом, казалось, что время бежит слишком быстро – его всегда не хватало. Так пролетели два года.

А потом, в один из майских дней, Ляля ворвалась домой как ветер и светясь от счастья крикнула: «Скоро у нас родится ребёнок! Ты понимаешь – ребёнок!»...

Идея тещи была проста – убедить дочь в ошибке, развести и вытолкнуть меня из её жизни. Но всё это делалось очень аккуратно, без нажима. Чего я никогда ей не прощу, так это её совета сделать аборт, когда она узнала о беременности: «Срок небольшой, ещё не поздно».

Лялька жутко с ней разругалась тогда. И это при том, что Ляля, человек совершенно не конфликтный. Весёлый, подвижный, общительный, способный через пять минут стать своим в любой чужой компании. Не пила никогда больше бокала сухого вина, не курила ... Но главное – это была сама рафинированная нежность. Что бы она просто тон повысила, нужно очень постараться. А тут с любимой мамой и пыль до небес.

Беременность протекала очень тяжело. Сильнейший токсикоз, угроза выкидыша. Лялька превратилась в тень, ей было очень плохо, но она терпела, улыбалась и всегда уверенно заявляла: «Всё будет хорошо, я знаю...»

В декабре родилась Ленка. Роды тяжёлые; Лялю чуть не потеряли, но она выкарабкалась. Начала поправляться. Даже румянец вскоре заиграл на щеках по-прежнему.

Я был счастлив. С работы бежал домой, что бы увидеть их поскорее. Работал кинологом – работа нравилась. Это, пожалуй, самая независимая и интеллигентная работа в милиции, такая же, как работа эксперта или оружейного мастера – начальство тебя не трогает, в работу твою не лезет, в процесс подготовки собаки тоже – интересует конечный результат. Я к тому времени с месячного щенка вырастил и подготовил ещё одного напарника – ротвейлер Мадж стал бессменным спутником. Собаки у меня были из лучших, на чемпионатах кинологов МВД Ленинграда и области, всегда занимали призовые места. Дежурил постоянно на Литейном 4, а этот допуск имели не более 10 собак.

Никогда бы не подумал, но Ляля оказалась настоящей наследкой. Ребёнок занимал все мысли и всё время. Всюду лежали книги, от Бенджамина Спока до подборок и вырезок – интернета не было. Пелёнки, бутылочки, соски, игрушки, марлевые подгузники и прочее, прочее, прочее. На полу у входа дезинфицирующая тряпка, я мыл по 20 раз на дню руки, непрерывно

проветривали комнату, включали кварцевую лампу. Собаке в доме появляться было запрещено, друзьям и знакомым тоже. С озабоченным видом, она непрерывно что-то размешивала, тёрла, грела и гладила. Все наши былые разговоры, отношения и развлечения были похоронены. На надгробии сидела Ляля, консультируясь с врачом из платной поликлиники по очередному вопросу – нужно ли ошпаривать почищенные яблоки кипятком или нет.

Мне казалось, это всё временно. Временно и черезчур. Я сам любил Ленку, вставал ночью, научился пеленать, мыть, кормить, ухаживать. Гулял по несколько часов. Но хотелось хоть немного поговорить о чём угодно, кроме детских прикормов и болезней.

Прошёл год, пошёл второй. Лена часто болела, ребёнком была слабым и это являлось дополнительной причиной для очередной манечки или фенечки. Она была на искусственном кормлении – в роддоме, когда Ляле было очень плохо в реанимации, ей ещё и грудь загубили – осталась без молока. Я продал тогда свою новую дублёнку – были в моде. Купил кровать, немецкую коляску и две здоровенных коробки финской молочной смеси «Пилти», что бы хватило на полное вскармливание – она сильно отличалась от наших «малышей» в лучшую сторону. Ни о каких яслях, понятное дело, вопрос не вставал. После окончания вуза, Ляля работала в Интуристе и получила декретные, но они давно кончились. Жили на мою зарплату и «что бог пошлёт» в виде помощи от родных и подработок. А насадка в Ляле продолжала развитие и подчиняла всех окружающих своей неукротимой воле. Характер её изменился. Она перестала быть Лялей. Она становилась Ольгой...

Казалось, никогда больше у нас уже не будет таких отношений и такой волшебной сказки, как в первые два года. Оглядываясь на жизнь, могу сказать – это лучшее, что в ней было. Спасибо за чудо, Ляля.

Между тем, перестройка продолжала наступать, не скупясь на перемены к худшему.

В магазинах начали исчезать обычные ещё вчера продукты, в аптеках – лекарства. Жизнь становилась всё дороже и дороже. Люди ходили хмурыми, недовольными. А тут ещё напасть – старого начальника питомника, подполковника отработавшего всю жизнь в УР, отправили на пенсию. Прислали капитана из дежурной части – блатного идиота, ни бельмеса не смыслящего в сыске и, тем более, в кинологии. Зато на подполковничью должность, что бы звёздочки мог получить. Сидел бы он тихонько, так и горя мало, но он с дежурки! В угрозыске свои отношения, а на питомнике тем более – как в армейской разведке. На 30 тысяч сотрудников милиции нас 10 человек, способных показать настоящую работу кинолога. А строевой офицер полез в святая святых, пытаясь проводить занятия с собаками по типу строевой службы. Мрак, одним словом. Ещё и постричь всех хотел! Я ходил лохматым, как в школе, а ему встряло ... Одним словом я разругался с ним жутко. Сказал, что с моей помощью пять раскрытых убийств, без счёта краж, четыре благодарности от командования МВД и ни одного взыскания. И первое, очевидно, будет, за нанесение телесных повреждений командиру. Он отстал, но запомнил...

Ленке уже три года. Замечательный живой и любопытный ребёнок. И здоровье вроде наладилось, она окрепла, стала редко болеть. Но тут новая напасть – аллергия. Сильная. Ребёнку нужно расти, а с чистыми продуктами проблема. Денег ни на что не хватает. Нужны деньги на врачей, лекарства. Ляля мечется, не зная, что делать. Тёща дорогая зудит мухой – «а я тебе говорила, вот вышла бы за Володю, жила бы сейчас в Праге.» ...

Выходит постановление о кооперативах и кооперативном движении. Я открываю кооператив – Студия звукозаписи. На Лялю, естественно – работнику милиции это запрещено. На кооператоров смотрят как на нэпманов в СССР – мы враги. Аппаратура у меня была, но мало. Занимаю денег, докупаю – в общем решаю технические вопросы. Ляля бежит по инстанциям. С её коммуникабельностью и ангельской улыбкой это легко. Власти тогда были, нынешним не

чета, – никаких взяток. Всё легко. Нам идут на встречу. Дают помещение. Нахожу несколько точек, где за небольшой процент готовы продавать мои кассеты. Нахожу в торговле, за долю малую, сами кассеты. Начинаю работать. За первую неделю, без опыта работы, без знания репертуара – не владея маркетингом, говоря современным языком – я зарабатываю пять своих месячных зарплат. Через два месяца я уже получаю свой годовой оклад с премиями в неделю. Дело пошло.

Ляля довольна. Ребёнок сыт – продукты теперь все с рынка – творог, масло, сметана, мёд, фрукты, парное мясо. Хлеб с частной пекарни. Врачи делают все анализы в платной клинике. Лучшие врачи. Находят аллергены. Прописывают режим питания. Знакомые Лялиных родителей из Франции привозят антигистамины нового поколения – дорого, но для нас доступно. Ребёнку легче. Ляля мурлычет кошкой. Ляля счастлива.

А я занят делом – нет времени ни на что, не на дочку, не на Лялю – нет мыслей, я заморожен. Я увлечён новой игрушкой – Деньги.

Очень быстро я упёрся в свой предел – предел аппаратуры, которая не выключалась круглосуточно. Меня познакомили с инженером, который переделывая советские магнитофоны, мог собрать стойку из двадцати аппаратов, записывающих с удвоенной скоростью. Сам её и обслуживал потом. Стоило дорого, но я посчитал, что окупится быстро. Посмотрел на готовый уже стеллаж. Послушал качество – понравилось. Купил. Я открываю ещё 12 точек. Покупаю профессиональный магнитофон JVC для записей концертов с очень сильными микрофонами. Хожу на все концерты рок групп – ДДТ, Алиса, Наутилус. После первого концерта группы уже на следующий день мои точки забиты кассетами с записями этого концерта. Летят – как горячие пирожки. Доходы утроились. Но это уже предел.

Меня вызывают в политотдел, там же сидит генерал – начальник УР – и интересуются, каким это образом жена советского милиционера, является кооператором, и почему я ей помогаю. Я отвечаю, что жена у меня комсомолка-спортсменка-красавица, не привлекалась, не имела, а открывая кооператив, она руководствовалась постановлением партии и правительства. Или кто не в курсе и против?.. Нет, они в курсе и не против, а вот мне предстоит полугодовая командировка в Ростов для повышения квалификации и обмена опытом. Я отказываюсь – ребёнок болен и смысла нет – у меня лучшая собака, куда же ей ещё лучше быть? «Отказываетесь?» – радость на лицах, «Тогда мы вас уволим за невыполнение приказа.» «Лучше уволить руководство – устроили сауну с пьянкой на питомнике для начальства. Корреспонденту из журнала Советская милиция это будет интересно». Красные пятна на лицах, а мне уже наплевать, я для себя всё решил. «Подаяю рапорт по собственному. Подпишите?» Молча подписывают. Дают офицера, что бы тот ходил с моим бегунком без очереди. Сдаю оружие на склад из оружейки. Два дня на всё, а люди месяцами увольнялись – учитеесь! Документы на руках.

Я свободен! Ляля мурлычет.

Идёт время. Ребёнок поправился. Страна на пороге развала – осталось чуть-чуть.

Аудиокассеты уже не дают той прибыли, что была вначале. Слишком много ларьков, торгующих ими. Зато видео ещё всем в диковинку. Аппаратура стоит несоизмеримо дороже, сложно находить первые копии с новинками, вкладка нужна слишком большая, что бы её могли позволить многие. Вскоре я совсем отказываюсь от аудиокассет.

Аппаратуру продаю по остаточной стоимости. У меня большая стойка с двенадцатью рабочими видеоманитофонами Панасоник и два аппарата на воспроизведении. Работают круглосуточно под вентилятором. Свой мастер, обслуживающий всё это хозяйство, микшерский пульт и гонец, который еженедельно возит из Москвы новинки. Открыл видеопрокат,

тоже пока редкость, где берут по 200 кассет в сутки. Двадцать точек по городу продают мои кассеты. Но это ещё не всё. Многие остались без работы. Я встречаю несколько бывших коллег, которые не знают, как заработать на жизнь...

Ляля перерегистрирует устав кооператива – теперь деятельность расширена, есть торгово-закупочная. Она занимается всей бухгалтерией и общается с властями. Это не занимает много времени, основная её жизнь – ребёнок. Она почти всё время проводит в загородном доме – сосновый лес, чистый воздух – Ленке хорошо. Я живу в городе. Мы поменяли комнату с доплатой на двухкомнатную сталинку в доме напротив. Сделали хороший ремонт. Купили – вернее, сделали на заказ – хорошую мебель из алтайского ореха. Купили машину – Жигули пятёрку. В 90-ом была неплохая машина. Она сдала на права, но ездить не любит.

Арендную холодный склад на рынке, нахожу поставщиков. И ещё двадцать точек начинают торговать цветами. Бизнес сложный, но у меня получилось. Всё лето 10-12 точек по району продают мои овощи и фрукты. Есть водитель с газоном, который утром развозит товар продавцам – вечером собирает тару и весы со столиками. Продаём фуру в неделю. Деньги текут ручейками и непрерывно. Этим подразделением занимаются мои бывшие «товарищи по оружию». И вот, как то утром...

СССР больше нет.

Не могу сказать, что это событие меня тогда сильно взволновало. В политике разбирался очень слабо. Казалось, всё останется по-прежнему, только свободы прибавится. Каким же наивным дурнем я тогда был...

Для нас ничего не изменилось. Мы всё так же зарабатываем. Все «свободные деньги» перекручиваю в валюту. Свободного хождения оной ещё нет, но по курсу чёрного рынка купить можно. Рубль дрожит. Доллар растёт не по дням – держать в рублях глупо.

В «Спутнике» я беру путёвки – мы едем в Германию. Плывём на «Анне Карениной», которая позже сгорела. Впечатлений – море, в буквальном и переносном. Любуемся с палубы Балтикой. После грязного Питера с пустыми полками в магазинах и эрзац-продуктами, попасть на роскошный корабль, выйти в Киле и гулять два дня по немецкому вылизанному городу, ломящемуся от товара на любой вкус и кошелёк... Мы ходим по магазинам, одеваемся в хорошие вещи – тогда они ещё радовали, сидим в кафешках на набережной, катаемся по городу, я люблюсь немецкими машинами – их ещё единицы ездили по Петербургу. Вечером на корабле танцы. На одну минуту мне показалось, мы вернулись на пять-шесть лет назад. Ляля была такая счастливая – оживлённо говорила о чём-то, весело отплясывала на танц-холле – она продолжала пользоваться успехом, недостатка в кавалерах не было. Ей 26 – красивая, помолодевшая, с лучистыми глазами. Но только без своей роскошной косы. Когда она родила Ленку, волосы полезли дурью. Она обрезала их очень коротко. Они отросли, стрижка до плеч, по-прежнему насыщенного каштанового цвета, она не красилась, но от былого одни воспоминания.

От былого нам вообще остаются одни воспоминания...

Мы возвращаемся домой. Нас не было всего неделю. Когда уезжали доллар стоил 12. По приезду 23. Скоро он стал 30, потом 70... Страну лихорадит. Резко растёт стоимость видеокассет, ширпотреб. Мы продолжаем работать, пересматривая ценники.

Ляля погружена в ребёнка, живёт в основном за городом, выныривая по необходимости. А я продолжаю играть всё в ту же игру – «Заработай».

Ленку нужно собирать в школу. Конечно только в английскую, где училась её мама. Мы живём не в районе школы – проблема. Иду к директору, объясняю – девочка развитая, читает, много знает по предмету школы, мама училась тут... Я хорошо одет – встречают по одежке. Директор смотрит задумчиво – «А чем Вы занимаетесь» – «Небольшой бизнес» – «А у нас в школе ремонт, денег не выделили...» – «Что необходимо больше всего?» – «Краска. Её нигде не купить, да и не на что.» У меня к тому времени повсюду много знакомых. На следующий

день я привожу на грузовике двухсотлитровую бочку отличной белой краски. Лена зачислена... Тёща бесится... Ляля мурлычет...

Первые челноки потянулись в Польшу, Турцию. Люди ехали, имея буквально 500 долларов в кармане. Путёвка стоила 200, а отбивалось до 100 процентов. С прилавка сметали буквально всё. Одна проблема, вывезти деньги. Банки ещё не давали справок – они только-только начинали поднимать голову. Люди рисковали. Знакомый предложил съездить в Стамбул осмотреться. Я взял всего три тысячи... Через две недели поехал снова – изголодавшиеся по шмоткам люди разбирали буквально любой мало-мальски приличный товар. Магазины просили, только дай. Съездив несколько раз в Турцию, решили попробовать Сеул – слышали про первый чартер, который должен был скоро отправиться на разведку. Путёвка стоила 1200. Взял через того же приятеля, с которым летели, справку на 10000. Полетели. Восторгу не было предела – море товара и скучающие торговцы, не привыкшие вообще к русским, к оптовым закупкам и торгу. Уступали иногда половину цены. Через Финэйр отправили карго – дорого, но оно того стоило. Это было золотое дно. За вычетом всех накладных расходов, получалось до 150-ти процентов прибыли. Я свернул полностью цветы и фрукты, видео крутилось само, постоянный присмотр не требовался.

Скоро, совсем скоро я смогу открыть свою оптовую торговую фирму. Нужно только ещё чуть заработать, ещё немного...

В стране полный кавардак. Заокеанские друзья ликуют. Рушатся-пилятся заводы, пьяный лидер спускает экономику в унитаз. В стране полно нищих, люди голодают, роются в мусорных бачках вчерашние инженеры и преподаватели. Работы нет. Чиновники начинают наглеть, без денег не решается ни один вопрос...

За год я съездил 10 раз в Сеул и около 15-ти в Стамбул. Денег хватало, но нужен был напарник...

А как же Ляля, Ленка? А что, у них всё в порядке. Денег в доме полный ящик секретера крупными купюрами, они обеспечены – чего же от меня ещё?...

Я упустил их, не задумываясь об этом. Ляля погружена в Лену, ей не до чего. Лена – в маму. Обо мне вспоминали только когда что-то было нужно. Тёща медленно, но уверенно продолжала лить свинец в Лялькины уши. А я не пытался разбить ту стену, что постепенно выстраивалась между нами. Я продолжал играть в свою дурацкую игру.

Напарник нашёлся.

Мы открываем фирму «Панда Плюс» Вкладываем всё, что смогли. Кооператив, преобразованный к тому времени в ООО я продал. Пробиваем помещение в 100 метрах от Нарвских ворот – первый этаж бывшего общежития для рабочих от крупного завода. Завод пилят. Рабочих нет. Делаем ремонт под большое складское помещение и офис. Набираем сотрудников. Ставим Генеральным хорошую деловую тётку, бывший преподаватель по экономике. Теперь она будет бегать по делам, следить за порядком. Берём кладовщика, бухгалтера, девочку на первичную документацию, секретаря и охранников. Набираем семь торговых агентов со своим транспортом – они будут работать за процент от реализации. Затариваем склад товаром.

Саша – напарник, ездит в Китай, я в Турцию. Ищу в Стамбуле наиболее выгодные мелкооптовые фирмы торгующие с хорошей скидкой. Отправляю пока в карго – доставка автотранспортом.

Очень скоро дело начало раскручиваться как маховик. Первые два месяца вышли в минус, но уже на третий месяц пошёл хороший плюс и начал расти, по мере роста ассорти-

мента и увеличения товарооборота. К нам стали ездить покупатели на склад. Приезжали из всей области. Мы умышленно ставили минимальную наценку – поднимали по проценту уже позже. Для мелких торговцев выгоднее было купить у нас, чем ехать самому. Через полгода мы задыхались – не хватало ассортимента, что бы поддерживать его на высоком уровне продаж, нужны были ещё деньги. Взяли валютный кредит, ещё один, потом ещё ... Отдавали легко – торговля шла бойко. Чем больше в обороте денег, тем выше прибыль. Электрика, сантехника, кабеля и прочее. Элементы питания самые разные. Одним словом, дело шло и шло успешно. Я ездил в Стамбул минимум дважды в месяц, товар отправлял уже целыми фурами – тир-корнетом. Везде нужны были деньги – на таможне, для сертификации, пожарникам, налоговой – шли косяком... Пробил Финляндию – отдельные позиции были очень выгодны для элитных магазинов. Электроинструмент оттуда тоже брали неплохо. Товарооборот поднялся до пятисот тысяч долларов в месяц. Всё дело стоило уже несколько миллионов...

Я вот думаю сейчас – а зачем мне это всё было нужно? ...

Ленка, закончившая уже третий класс, попадает под машину. Глупо, в спокойном месте. Травмы тяжелейшие – сложный тройной перелом ноги и огромные внутренние гематомы. В реанимации только на второй день доктор сказал – «жить будет». Лялька почернела. Постарела сразу на 10 лет. Потом было длительное лечение: Турнеровский институт, центр травматологии, специализированная клиника... Трижды ломали ногу – срасталась неправильно. Вставили штифт. Год в кровати. А дальше реабилитация – массажи, гимнастика, тренажёры... Она не хотела отстать от своего класса – возил учителей к ней домой. Всё сдала экстерном. Нogu спасли. Была, после правильного срачивания, на 3 см короче. Терапией вытянули – стала наоборот длиннее на сантиметр, чем не повреждённая.

Ляля и без того трясущаяся над своим чадом, теперь просто стала её сиаемским близнецом. Когда Ленку вылечили, мне стало полегче – ведь дело на месте стоять не могло, приходилось ездить. И хотя Саша – мой компаньон, во время моих отлучек выполнял любой каприз и возил-привозил куда надо и что надо, но всё равно я дёргался. Ему ведь тоже дважды в месяц в Китай ездить.

Наступило лето. Я отправил девочек на два месяца в санаторий «Сосновый бор» под Зеленогорском – там была плавательная гимнастика в бассейне и хорошие реабилитологи. Прекрасная территория, Финский видно из окон, пляж, развлечения. Раз в неделю ездил к ним на машине. Машину свою я уже успел несколько раз сменить. Тогда ездил после Пассата на новенькой Вектре – вполне приличная машина для середины 90-х.

К тому времени, я уже настолько «задружился» с турками, что мог получать любой товар по позициям не выходя из дому, а просто сбросив им заказ – даже в долг давали очень много. А деньги можно было перечислять через банк.

Остался я совсем один в четырёх стенах. После всего пережитого, хотелось подумать, поскучать. За последние дни всё так надоело – и бизнес этот, и ситуации, которые непрерывно возникали – нужно их разруливать, и – страшно сказать – Ляля, которая была беспомощна перед своими чувствами к дочке ... Посидел я так, глядя по сторонам, посидел, да и отправился в магазин под домом – приличный магазин сделали, кстати. Так вот, отправился за коньяком. Вообще у меня недалеко от дома отличный ресторанчик в кавказском стиле – «Три сестры». Я там постоянный клиент – два-три раза в неделю у них ужинал, иногда обедал. Всегда повару давали заказ, он готовил для меня хазани из баранины без жил и жира, ставили

пиалу с оливками, лаваш, салат из свежих огурчиков-помидорчиков с «много-много» зелени, политый оливковым маслом и старый грузинский коньяк – не разбавленный, типа Энисели. Музыка спокойная, свет приглушённый, но не потёмки. Свечку на столе зажгут... Да только не хотелось мне видеть никого.

Спустился вниз, взял старый Тбилиси, лимоны, лаваш, воду да нарезки и вернулся домой пьянствовать. И до того тоска меня взяла – выть хотелось. Пил, не хмелея, снова пил, как воду.

Вспоминал первые два года с Лялькой, какая она была. Вспоминал сами чувства – ощущение жизни. Понимал, что ничего уже не будет подобного. И Лялька такой уже не будет. Да я сам другой – разве меня раньше деньги интересовали? Чего я добился то? Сытой кабалы? Жизнь сгорает – пеплом её всё посыпано. Что я вижу, кроме цифр и колонок в экселе? Что интересует меня? Когда был в театре последний раз с удовольствием? А в лесу? Какую книгу прочёл новую? ... Нет, можно и съездить, и сходить, и почитать, да только не интересно мне стало всё. Да и сама работа остолобила – надоело!!! ... В общем, типичный депрессняк в острой форме. И я не нужен никому – друзей то нет настоящих, и мне никто не нужен...

Допил бутылку. Спустился за новой. Магазин круглосуточный...

Проснулся поздно утром. Голова набатом гудит. Рядом незнакомая девчонка спит – высокая, красивая, рыжая – молоденькая совсем, лет 20 не больше. Вроде бы видел её где-то. Кто такая – не помню. Откуда – не знаю... Наверное, в третий раз за коньяком ходил, во второй помню как вернулся... Растолкал, глаза протирает, улыбается.

– Ты кто?

– Соседка твоя. Игорь, ты что, не помнишь ничего?

– А тут почему?

– Сам позвал, говорил, жить без меня не можешь.

– Ты же видела – пьяный в дым!

– Видела ... А верить то хочется.

– Извини... ты... тебя...

– Лена!.. Забыл?

– Извини, Лена, у пьяного памяти ноль... А было у нас?

Она покраснела, отвела глаза.

– Да, было. На простыни посмотри

Я встал, стеснясь наготы, набросил халат, полез в ящик. Хотелось одного – спровадить её поскорее, словно с ней вместе и само событие исчезнет во времени.

– Купи себе духи подороже и на память, что захочется, ладно? На вот, возьми, – протянул ей деньги, много денег.

Разревелась, оделась, – «Гад ты!» – убежала...

«Дурак ты, Игорь, ой дурак! Зачем хорошую девушку обидел? ... Хоть бы звали её по другому...»

Набросил плед на смятую постель. Вышел на кухню – там, на столе почти прилично. Фрукты, конфеты, шампанское недопитое – для Лены брал, наверное, я его терпеть не могу. Пепельница окурков полна – вытряхнул в ведро. Шампанское в раковину и в ведро. На полу две бутылки пустых Тбилиси – туда же. На столе недопитая – алкаш...

И я запил, как никогда до того не пил. На неделю...

Приезжал Сашка. Посмотрел на меня

– Может врача? Что случилось – то? Умер кто?

– Я... умер...

– Звони в Стамбул, пусть старый заказ высылают. Деньги я переведу.

Позвонил, заказал. Обещали за два дня собрать.

– Посидеть с тобой?

Выставил его. На звонки отвечать перестал. Никого не видел. Звонил в магазин, когда трезвел, мне приносили «Русский стандарт», а под него: чёрный хлеб, пиццу, соленья, селедочку, икорку, мясо, сок – есть у нас по дому такая услуга. Пару раз уборщица, приносившая заказ из магазина, наводила порядок – «мусор» выносила. Любой каприз, как говорится, только оплаты. Через неделю примчалась Ляля. Увидела меня. Заплакала – «Зачем ты так? Ну зачем? Я такая плохая жена, да?» – «Сашка вызвал?» – «Саша, да.»

Долго сидели рядом. Молчали ...

Потом Ляля уговорила меня – умела она это делать – вызвали врача. Тот посмотрел, сразу предложил лечь на три дня в клинику. «Справлюсь. Работайте, доктор» Он пожал плечами, отработал, получил что причиталось. «Будет хуже – звоните.» – «Неприменно.»

Потом я уснул. А Ляля осталась. Легла рядом, не раздеваясь, обняла и всю ночь проревела. За Ленкой присматривала Марина – Сашкина жена.

Ляля редко плакала. За всю жизнь видел несколько раз. По опухшим, красным глазам, понял – всю ночь провела в слезах. На меня не смотрела – сквозь меня. «Доброе утро, Ляля» – «А оно доброе?... Ладно, завтракать будем через двадцать минут. В душ иди.» – сморщила носик. Понятное дело, козлом несёт вонючим. Взял из шкафа всё чистое, пошёл плескаться. Из зеркала на меня глядела страшная опухшая рожа с недельной щетиной. Именно рожа – лицом такое отражение не назвать. Сходил, набрал кучу льда в миску, залил водой из канистры, вернулся в ванну «вымачиваться».

Лялька молчала.

Когда вышел чистый, бритый, квартира уже преобразилась. Весь мусор стоял в коридоре, упакованный в здоровый мешок. В мешке я заметил и постельное. Заныло внутри ...

Окна были открыты настежь. Гудел ВАКС – пылесос. В комнате пахло хвоей. Ляля молча елозила щёткой по полу. Глянула на меня – «Пошли есть.» Не хотелось, но я не противился. На столе уже стоял омлет с грибами и кофе. Через силу проглотил. Заел горстью янтарной кислоты и выпил ароматный напиток. Замутило, но сам виноват. Мы продолжали молчать.

– Гулять поедem, под нашу липу. Ещё помнишь её?

– Я всё помню, Ляля.

– Да? ... Не похоже.

Ну, точно. На «стрелку» приглашает.

– А может – ну его? Отлежусь?

– Нечего тебе лежать. Належался уж ... Двигаться нужно. Воздухом подышать. Собирайся.

В другое время, я бы мог настоять на своём без особого труда – она покладистая, вообще-то. Но не сегодня. Сегодня она – грозовая туча, лучше не спорить.

Я одел, что под руку попало. Лялька вручила мне пакет с мусором и плетёную корзину, в которой лежали чашки и термос с зелёным чаем, щедро сдобренный лимоном. Смотреть на меня она решительно не хотела.

– Мусор выбросишь и к машине иди. Я оденусь и спущусь. Не вздумай заводить! Сама поведу.

– Думаешь, безопасней будет? – Лялька не любила водить. У неё рассеянное внимание. Она словно ведёт с собой постоянный диалог, может отвлечься в любой момент. Очень напря-

жённо рулит поэтому. Но на права отучилась и сдала с первого раза сама, без всякой блатоплаты.

– Ты ж вроде опасностей не боишься у нас? – усмехнулась она, – Потерпишь.

Я и тут не стал спорить. Взял мусор, корзинку и пошёл к Вектре. Выбросил мешок по дороге в контейнер, огласив бутылочным звоном окрестности. Хорошо ещё, что большую часть уборщица вынесла. Прошел на стоянку – она находилась в пятидесяти метрах от парадного. Повезло – ребята из хоккейной коробки отличную стоянку сделали. Я на ней с момента основания парковался. Завёл машину. Погрел. Заглушил. Ляли всё не было.

Она появилась с пакетом продуктов из магазина, сунула её в корзинку. Села за руль. Завела, увидела, что машина прогрета, хмыкнула и выехала со стоянки. Езды то было на пять минут – мы жили у метро Московская, а Парк Победы – следующая станция. Ловко подъехав к ограде у бокового входа, запарковала машину. Сунула мне ключи. Я взял корзинку и мы пошли.

Наша липа была цела. Даже на лавочке не сидел никто. В пруду плавали утки. Лялька взяла из корзинки батон, подошла к краю берега и начала крошить хлеб. Утки оживились. Я сел, закурил. День и вправду хорош. Солнечный, но не пекло. Тень от липы...

– Выброси его, – не поворачиваясь, сказала Ляля. – Выброси и сожги.

– Ты про диван? – я не удивился, ждал чего-то подобного.

– Гад ты, Игорёша.

И от жены, гад. Заслужил, видно.

– Гад, знаю...

Лялька резко повернулась:

– Как ты мог, а? Лена – девчонка совсем, весной восемнадцать исполнилось. Она ещё глупенькая. Ты в отцы ей годишься!

А ведь и верно, 35 уже...

– Что, агентура из пенсионного отряда донесла?

– Да какая разница кто, – досадливо отмахнулась Ляля. – А ей теперь как жить? Как на тебя смотреть?

– Не такая уж она девочка ... – ненавидя себя, начал я.

– Была, девочка. Была! ... Ты на простынь то смотрел, животное?!

Тут уж мне нехорошо совсем стало. На простынь я не смотрел. Забыл про неё начисто. Выпил тогда и продолжил – спал одетым, прикрыв постель пледом... И так совесть грызла за Ляльку, а ещё это...

– Я ходила к ней, – ожесточённо выпалила Ляля. – А она прощение начала просить и ревет... Она – у меня! Я подумала, вот с нашей, если кто так... Ты знаешь, что Ленка в тебя влюблена уже года три?

– Откуда ты взяла?

– От верблюда! Я видела, как она на тебя смотрела. Не слепая. Ребёнок в тебя влюбился, ребёнок, а ты и рад ... Нет, гад ты всё таки.

Лялька отвернулась и замолчала.

Я тоже помолчал.

– Я не помню ничего, Ляля. Я две бутылки крепкого выпил, а дальше не помню. Как за третьей пошёл, как Ленку встретил ... Ты прости меня, а? Очень худо мне.

Хилое оправдание. Каждый сам отвечает за свои поступки.

Она продолжала молчать, отвернувшись в сторону. Так мы и сидели, словно немые.

Странную мы являли картину миру. Она – шикарная, в джинсовом, расшитом вышивкой, сарафанчике от Бианки, тонкой белой льняной рубашке и своих рыжих свободных «казаках», украшенных клёпкой, которые купила, неизвестно зачем, в Стокгольме и которые почти никогда не одевала. Рыжая волнистая грива крупными локонами разметалась по плечам. Глаза

скрывают очки «Чопард» – не хочет показывать. Стройные ноги, девичьи; подтянутая и лёгкая, привлекающая внимание, выглядящая юной девчонкой. И я – мужчина далеко за тридцать, в заношенных голубых джинсах, вылинявшей чёрной майке, с мятым лицом и совершенно седой, от чего выглядел ещё старше. Проходившие мимо, поглядывали на нас с любопытством.

– Как жить будем, Ляля?

– Да так и будем. Раньше счастливо жила, теперь как все ... Пей чай и поешь.

Она поднялась и пошла не оглядываясь.

– Ты куда?

– Я к Лене. Ей я ещё нужна. Водки не пей больше, ладно?

– Ладно...

Долго сидел я под липой – «нашей липой». Пил чай, курил одну сигарету за другой и бездумно смотрел на воду, по которой плавали утки. А я их не видел. В голове звенело – «ей я ещё нужна». Приблизился вечер, набросил серую вуаль на пруд, деревья. От воды потянуло прохладой, стало зябко. И пусто. Я поднялся, взял корзинку и пошёл к машине.

Пить я больше не стал. Вынес диван на помойку – его сразу забрали. Купил новый. Занялся делами. Через неделю поехал к своим девочкам в санаторий. Держалась Ляля ровно, я видел – не простила. Вскоре они вернулись.

Мы начали жить как все...

Лето размашисто шагало навстречу осени. Листья на клёнах начали покрываться багрянцем. Золотая королева стояла на пороге – завершался ещё один природный цикл.

Осень поселилась в сердце ...

Я вернулся из очередной поездки в Турку. Ездил на машине – обкатывал новинку. Неделью назад поменял Вектру на Вольво 850T5. Машина радовала. Мощная, быстрая. Немного жестковата, но другой она быть не могла с такой динамикой – в спортивном режиме выстреливала за 7 секунд до сотни. Двадцать пять лет назад было круто. Тёмно синяя, натёртая воском, она выглядела красоткой.

Я запарковал машину у подъезда. У детской площадки на лавочке сидела Лена. В мою сторону не посмотрела, словно не заметила. Я решился, подошёл, присел рядом.

– Привет, Лена.

– Здравствуйте, дядя Игорь, – деревянным голосом ответила она.

– Зачем ты так. Я поговорить хотел, не против?

– Ну, давай, говори.

Я посмотрел на неё – ладная, высокая, стройная. Фигурка, от которой даже тибетские монахи зарыдают как дети. Огненные волосы, веснушки... Красивая ...

– Лена, я виноват, правда. Не думай, что мне безразличны твои ...

– Да брось, – она впервые взглянула на меня глубокими карими омутами. А глаза то у неё – глазищи! – Я не злюсь за то, что случилось. Правда, не злюсь. Я этого больше всего на свете хотела. Мечтала... Ты утром меня обидел, деньгами своими. Словно шлюхе ...

– Прости, прости, прости ... – Я взял её руки лодочкой и поцеловал нежные маленькие ладошки, она не отняла, только вздрогнула. – Я так ругал себя, честно. Похмелье жуткое было, неожиданно ты. Не понял тебя, не знал ... Растерялся я. Хотелось, как то вину загладить... Мир? Ну, скажи, что мир.

– Ладно, – она улыбнулась, глаза влажные. А улыбка то – солнышко встало. – Мир, дядя Игорь. Мир!

– Да какой я тебе дядя, особенно теперь ... Почему я?

Она пожала плечами:

– Почему нет? Да в тебя тут половина девчонок влюблены.

Я удивлённо свистнул.

– Преувеличиваешь процентов на двести, девушка! Да что такого в старом, седом мужчине, что бы нравится!

– Какой ты старый, – она улыбнулась. – Скажешь тоже. Ты настоящий – красивый, высокий, подтянутый. Одет хорошо. А весёлый какой – всегда шутишь, здороваешься с пацанами. Нет огня – зажигалку подаришь, сигарет – пачку отдашь.

– Нашла красавца...

– Нашла, – она внимательно поглядела на меня. – Нашла, Игорь... Только не перебивай, хорошо? ... Я давно уже ... больше трёх лет. Ты только в сторону мою не смотрел никогда. Не замечал. Ты жену любишь – она и вправду, такая ... вокруг никого не видишь. Я рядом с ней заморыш. И за это я ещё больше ...

– Но почему?!

– Обычно не знают почему, за что, когда ... Я знаю. Помнишь, ты меня и маму с 8 Марта поздравил?

Ничего не понимая, я смотрел на неё, не зная, что сказать.

– Не помнишь. Ты подъехал тогда на своей красивой золотистой машине к дому...

– Пассат, – машинально сказал я.

– Может быть, я не разбираюсь в них. Подъехал и начал выгружать огромный букет роз и пакеты. Таких букетов я не видела никогда – охапка. Своих спешил поздравить. Мы с мамой на этой же лавочке сидели. Мама моя возьми, да и скажи громко: «Вот дочка, найдёшь мне зятя хорошего и нас в этот день поздравлять будут.» Ты услышал. Взял из машины два красивых букета, у тебя там много было, коробку финских конфет – я никогда не ела таких – Гейша. Очень дорого, а мы без отца живём, мама немного получает. Подошёл, поздравил, счастья пожелал, а меня потрепал по плечу и сказал: «С такой-то красавицей у вас принц зятем будет» Помнишь?

– Так это ты была? ...

– Я и была. Выросла просто. Ты убежал своих поздравлять, а мама сказала: «Счастливая Ольга, повезло». Вот с тех пор я и ... Я люблю тебя, Игорь. Безответно, знаю. Тут уж ничего не поделаешь. А ты себя не казни – не ты, так другой, не вчера, так завтра. Я хотела, что бы это был ты.

Взрослая, совсем взрослая девочка. Такая открытая ... Чем тут поможешь?

Она тряхнула головой, словно отгоняя мысли и продолжила:

– А ты сильный, не ожидала даже. Надо же, на четвёртый этаж меня на руках нёс.

– Что, правда? – я ошарашено смотрел на неё.

– Правда, почти. До третьего донёс. Соседка с третьего нас увидела. Она и доложила, наверное ... Сильный. И ласковый. Я не думала даже. Что пьяный – видела, мне показалось не слишком. Разговаривал нормально... Но какой же ты ласковый. Даже не знала, что столько тепла можешь дать. Когда ты ... я словно таяла, не почувствовала даже...

– Так, Лена, давай закроем тему, – попросил я, краснея.

– Давай, – покорно ответила она.

– Теперь вот что, ты можешь просто быть моим другом? Согласна дружить?

– Да я ... конечно, зачем спрашивать.

– Других отношений у нас не будет. А вот друзья делают друг другу подарки.

– Игорь, не надо...

– Не обижай меня. Поехали.

– Куда?

– Из Золушки принцессу делать.

– Куда?!

– К твоей тёзке. Поехали.

Я повёз её в магазин «У Лены». Там мы выбрали несколько платьев, свитера, джинсы, обувь, какие-то кофточки, блузки, бельё. Она, не противясь, примеряла одежду – на её фигурке всё сидело на пять. Потом она осторожно тронула меня за руку: «Игорь, а вон ту косуху можно? Я так мечтала!» ... Косуху она так и не сняла, ехала в ней, оглаживая тонкую кожу и улыбаясь.

С кучей пакетов я отвёз её домой, помог поднять обновки до квартиры. Поцеловал в щёку, – «Иди. И давай без реверансов.» Она кивнула, прошептала, – «Спасибо» и убежала.

Вечером я рассказал Ляле о своём поступке и беседе. Она задумчиво посмотрела на меня, кивнула, – «Молодец». И больше не вспоминала этот случай.

Мы ещё часто встречались с Леной во дворе, здоровались, иногда трепались не о чём, никогда не касаясь той темы.

Через два года Лена бросит институт, выйдет замуж за итальянца и он увезёт её в Милан. Большие мы не встретимся.

Жизнь никогда не стоит на месте. С нами или без нас, она продолжает свой упрямый бег, не замирая, не давая нам времени нажать на паузу, постоять и подумать.

С Лялькой у нас было сложно. Иногда казалось, старые отношения вернулись и всё выровнялось. Но через день тепло вымораживалось, и наступал ледниковый период. Я понимал, Ляля не умеет притворяться, она не пытается наказать меня – она просто естественна, как сама природа.

На Новый год Ленку увезли за город, мы остались одни. Ехать и встречать с родителями не захотели – отговорился делами. Телефон я отключил – гори оно ясно.

Лялька накрыла шикарный стол, готовила сама. Всегда с фантазией. Моей плебейской сущности достаточно было бы оливье, огурчиков и селедочки под шубой, но она наделала всяких модных салатов. Запекла мясо в фольге. Достали холодную водку, Ляле её любимый «Ирландский крем», шампанское она не пила. Сели. Уютно... Неожиданно меня захлестнула такая теплота и нежность – дыхание перехватило. Она словно почувствовала. Улыбнулась: «Ну что, родной, будем встречать Новый год?»

Мы сидели вдвоём, хорошо сидели. Как раньше болтали, смеялись, пили-ели и снова болтали. Тихо бормотал новогодним огоньком телевизор. Я его выключил. Поставил Криса Айзека. Зазвучала «Грязная игра» – наша песня. Пригласил на танец. Она охотно поднялась. Мы начали танцевать и мир, словно закружился вокруг нас. Ведь с самого лета я не обнимал её, не целовал...

Волшебный Новый год ...

Никогда у нас не было такой близости. Даже в первый год. Мы не могли насытиться друг другом, отрываясь от любви только для того, что бы немного поесть, попить и сбегать под душ. Засыпали, любя, а проснувшись, начинали сызнова.

Лялька, даже до свадьбы была подкована теорией – увлечение Востоком сказывалось. Теперь она стала неуёмной, ненасытной, способной разжечь желание даже у телеграфного столба.

Через два дня мы вышли на воздух. Стоял чудный зимний день, январь порадовал пушистым снегом и тишиной. У нас дрожали ноги, тело не слушалось. Мы бездумно смеялись над ерундой и шли по улице, держась за руки.

Через час вернулись домой. Позвонили Ленке, узнали как у них. Выпили горячего чая, глянули друг на друга и марафон продолжился ещё на день. Больше мы уже не выдержали. А ещё через день Ленка вернулась домой. Праздник кончился.

Я надеялся, после такого Нового года отношения наладятся. Но очень скоро Ляля замкнулась. Снежная королева вернулась.

Иногда, мы ещё быстро, словно украдкой, любили друг друга ночами, но это был жалкий эрзац, за который утром становилось стыдно. Такие мгновения случались всё реже и реже. Раз в неделю. Потом в месяц, потом в два... Мы ещё спали в одной постели, но каждый уже жил своей жизнью. Разлом в отношениях продолжался, а навстречу любимому мы не шли.

У меня появились женщины в поездках. Знакомство начиналось ещё в самолёте – два-три обещающих взгляда достаточно. Туристы на этих рейсах не летают.

Это были особые женщины – сильные, властные, деловые, ухоженные. Знающие, чего они хотят от жизни и как это взять. У каждой было своё дело, каждая ехала в поездку решать вопросы по бизнесу. У большинства дома были дети, мужья. Встречались и незамужние. Иногда они открыто звали за собой – один раз, не уговаривая, не обижаясь отказу. Всё честно.

Им нужно было выплеснуть накопившееся – посидеть спокойно в ресторане, потанцевать, поговорить откровенно обо всём, о всех проблемах не стесняясь и не скрывая истинные мотивы поступков. Выслушать совет и дать совет мне. По любым вопросам. Словно на исповеди – с чужим гораздо легче. И закончить вечер в чужом номере, чтобы в любой момент можно было встать с постели и уйти. Им нужно было снять напряжение от этой суматошной жизни, пожирающей саму жизнь. Никакой привязанности, обязательств. Никаких телефонов, встреч в будущем. Никаких чувств – только механика. Но мы были нужны друг другу и нас такие отношения устраивали.

Часто видел, как такую боярыню в Пулково встречал муж с цветами, она ласково целовала его и они шли к машине, обнявшись. Я свою машину оставлял на стоянке аэропорта. Раньше Ляля всегда встречала меня, но это было раньше ...

В конце зимы Сашка ушёл от Марины. Ещё перед новым годом я отвозил её с ребёнком во Всеволожск в их большой новый дом на холме. Девочка у них часто болела, слабенькая. Марина всю дорогу молчала, кутаясь в свою тёмную лису, хотя в машине было жарко, хмурилась мыслям. Когда довёз её, сказала:

– Спасибо, Игорь... Ты можешь ответить, только честно – он её любит? Если не можешь, лучше молчи.

Я знал, что у них последнее время нелады в отношениях, но в чужую жизнь не лез.

– Мариша, я вижу, кошка чёрная между вами пробежала. Но я Сашу не расспрашивал, неудобно лезть в чужую жизнь. А он не рассказывал.

– Не рассказывал... – задумчиво протянула она. – Вот и мне... Ладно, извини. Спасибо ещё раз. С наступающим.

Она вышла, помогла выйти дочке. Я донёс пакеты с продуктами и сумку. Дом занесённый стоял. Дорожки под снегом.

– Помочь почистить?

– Сам почистит, – сказала Марина с каким то ожесточением. – Его дом.

Марину я видел ещё раз, когда заехал за Сашей к ним на квартиру. Они купили хорошую новую трёшку в кирпичном доме, и недавно закончили отделочный ремонт. Саша собирался, она вышла, поздоровалась. Он оделся и не прощаясь пошел к двери. Я кивнул Марине и пошёл следом.

– Поссорились? – спросил я на лестнице.
– Расстались, – ответил он.
– А что так?
– Так получилось...
Они прожили всего четыре года.

Уже позже я узнал его историю. В одной из поездок он встретил совсем юную барышню, между ними завязался роман. У неё был маленький магазин, за товаром она ездила сама. Поездки подгоняли так, что бы встречаться в Китае. Барышня оказалась любовницей крупного авторитета из Екатеринбурга. Тот всё узнал.

В Питер оттуда приехала братва и Саше выставили счёт. Сумма огромная. Сашка обратился к своим. Начались тёрки, стрелки... Под итог, наши сказали: «Сашок, ты был не прав. Чужое у братьев трогать грешно. Не по понятиям. Плати ... »

Барышню Сашину привезли в Питер – живую, здоровую и сказали: «Теперь твоя, пользуйся.» Без денег, с одной сумкой вещей и паспортом. Он снял ей квартиру. Позже переехал туда. Мы продолжали общаться.

Я видел Дашу пару раз. Прямая противоположность Марине. Высокая, приятной полноты с хорошей фигурой. Волосы цвета спелой пшеницы, большие голубые глаза, черты лица правильные, не мелкие, губы пухлые... Словно сошедшая со страниц мужского журнала – девушек много и никто не запоминается. Такая ... стандартная красавица. Мысли в её голове чувствовали себя свободно. Настоящий стереотип блондинки, да простят меня женщины с золотыми волосами.

Я встречал совсем других блондинок, умных, острых, приятных собеседниц, на внешность которых уже после пяти минут разговора не обращаешь внимания.

А Марина была среднего роста, худенькая жгучая брюнетка – волосы длинные, волнистые, всегда распущены или забраны в хвост. Глаза почти чёрные, черты лица заострённые, хищные. Похожа на красивую ведьму.

Сумму удалось демпинговать на треть, но итог плачевный. Саше пришлось продать свою долю в деле. Я выкупить не мог, таких денег не было. Вынуть из оборота – погубить предприятие. У меня появился новый напарник – Андрей.

Андрей – однокашник Саши. Совсем другой. Очень жёсткий, алчный, но честный. Всегда всё копейка в копейку. Всегда проверял счета, документы, не прощал промахи сотрудников – штрафовал люто. Свои деньги заработал, торгуя мясом из Белоруссии. По четыре фуры в неделю продолжали приходить ему исправно, на всех оптовых рынках продуктов стояли точки – дело у него было отлажено хорошо.

Несколько человек уволились. На их место пришли другие. У меня не было к нему никакой симпатии, чисто деловые отношения. Я продолжал делать закупки и ездить, ездить, ездить, только и успевая менять загранпаспорта, где уже не было страниц, что бы поставить штамп.

Саша не расстался с фирмой совсем. Он продолжал кататься в Китай, но превратился просто в поставщика за процент от закупки. У него ещё оставалось пять-шесть своих точек у метро, торгующих ширпотребом.

Жизнь катилась по старым рельсам.

А потом Ляля заболела.

Болезнь никогда не ждут. Её не зовут. О ней не думают. Она всегда как снег на голову.

Лялька стала слабеть. Поменялся цвет лица, волосы – густые, блестящие, шёлковые – стали блёклыми. Быстро уставала. Она не жаловалась, не скулила. На вопросы отшучивалась, отмахивалась и как всегда – «Всё будет хорошо». А становилось всё хуже. Потом, поднимаясь домой по лестнице, потеряла сознание.

В клинике, где её обследовали, нашли опухоль. Предложили два варианта: операция, которая сделает её бесплодной, но поможет с вероятностью процентов восемьдесят или лечение кучей новых препаратов, которые, возможно, решат вопрос безоперательно. Она, конечно, выбрала второй. У неё был очень низкий гемоглобин, который никак не могли поднять. Доктора нервничали. Настаивали на операции. Лялька всё терпела – и процедуры, и клиники, и кучу препаратов, которые в неё запикивали горстями. Скоро она почти не вставала, стала совсем замкнутая, молчаливая, сильно похудела. Она и без того не отличалась полнотой – 58 килограмм не много для её 168 сантиметров роста. А сейчас напоминала ребёнка.

Как то ночью не могли уснуть. Лежали молча. Вдруг она сказала:

– Ты, Игорь, смотри, Ленку не обижай, если что. Не вздумай привести ей злую мачеху. Потерпи, пока не вырастет.

Меня окатило холодом.

– Лялька, ты что себя хоронишь? Мне никто кроме тебя не нужен, глупая. Да ещё меня сто раз переживёшь. Давай ложиться на операцию, а? Ты ведь обещала, всё хорошо будет.

– Я уже тебя пережила, – бесцветно прошептала Ляля. – Второй раз не хочу.

Она отвернулась к стене и замолчала. А я лежал и думал – за что ей это? ...

На следующий день она сказала:

– Договаривайся с хирургом. Не хочу Ленку сиротой оставить.

Операция прошла успешно. Ляля начала поправляться, набирать вес. Медленно к ней возвращалась жизнь. Занялась домом. Начала улыбаться шуткам. Ленка рассказывала ей о школьных событиях – она слушала с интересом. Болтала с ней на английском, читала, с аппетитом ела вкусности. Больше всего любила гранаты и грейпфруты.

Ляля вернулась.

С неумолимостью астероида приближался 1998 год.

Нам оставалось ещё три года вместе. Три года. Это так мало, когда люди счастливы и так много, когда они расстаются.

После выздоровления, Ляля изменилась. Стала мягче, приветливей. Иногда искренне интересовалась делами, справлялась о Саше и жалела его и Марину. «Какие дурашки. Не убе-regли...» – и, не договорив, замолкала.

Мне казалось, что есть шанс. Рано нас ещё хоронить. Ведь нам всегда было так хорошо рядом, даже когда холод, даже когда молчим. Я не представлял себе жизнь, в которой её не будет. Да и зачем мне такая жизнь? Она уже давно стала частью меня. Была моим ангелом, как бы пафосно это не звучало. Если бы я только видел, что нужен ей. Если бы не те слова – «Давно похоронила», – они так и звучали, причиняя неожиданную боль. Похоронила ... в сердце похоронила, хотела она сказать. Да, похороны были пышными ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.